

EVGENIY YABLOKOV (ЕВГЕНИЙ ЯБЛОКОВ)

<https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>**ДАМА НА РЕСЕПШНЕ**

Виолетта Гудкова. *Михаил Булгаков, возмутитель спокойствия: Несоветский писатель советского времени*. Новое литературное обозрение, Москва, 2025, 696 с.

Бывают книги, читать которые перед рецензированием не обязательно. Ибо фамилия автора, заглавие и пара фраз в аннотации позволяют со стопроцентной точностью определить, какой текст ожидает на 700 страницах. Там будут разглагольствованиа дамы, воображающей себя крупной булгаковедкой и самоуверенной до наглости.

Взявшись все же за чтение, вспоминал эпизод, случившийся некогда в Польше — конкретно в Кракове. Призываю в свидетели Гжегожа Пшебинду, профессора Ягеллонского университета, где в 2011 г. проходила международная Булгаковская конференция (Пшебинда был ее организатором). Одной из первых выступала как раз Виолетта Гудкова — и, когда она окончила монолог, я во всеуслышание сказал, что ее речь была возмутительной. Похоже, отсюда и «возмутитель спокойствия» в заглавии нынешней книги. Только есть принципиальная разница: Булгаков будоражил советскую власть беспредельным талантом, а г-жа Гудкова возмущала и возмущает беспардонным дилетантизмом. После той краковской конференции вышел сборник докладов¹, однако текста г-жи Гудковой там не оказалось. Зато теперь она, по сути, воспроизвела его (в расширенном виде) в своей книге. Поэтому я заранее знал, что в ней будет написано.

¹ G. Przebinda, J. Świeży (red.), D. Kliabanau (współpr. red.), *Михаил Булгаков, его время и мы / Michaił Bułhakow, jego czasy i my*, Scriptum, Kraków 2012.

История несложная. Почти 45 лет назад г-жа Гудкова защитила кандидатскую диссертацию *Драматургия Михаила Булгакова и советская сцена 1950–1970-х гг.* Потом напечатала два-три десятка статей и рецензий, так или иначе имевших отношение к Булгакову. А теперь решила поступить, как героиня сказки *Колобок*: по коробу поскребла, по сусеку помела, собрала свои публикации — и слепила... Но чтобы выдать колобок за монографию, нужно выдумать какую-нибудь «научную» тему. Вот г-жа Гудкова и выдумала р е ц е п ц и ю — эту тему она эксплуатирует много лет и в Кракове говорила про то же самое.

Я тогда задал ей вопрос: знает ли дама, обещавшая представить обзор булгаковедения, сколько книг и диссертаций написано о Булгакове с того времени, как его творчество начали изучать, т.е. с 1960-х гг.? Как показывала база данных, в 2010 г. они исчислялись сотнями. За последующие 15 лет количество, наверное, удвоилось (про статьи уж и не говорю — там счет идет на тысячи). И это только в СССР/России². Иными словами, «рецепция творчества Булгакова» — тема для одного человека неподъемная. Если, конечно, не изображать из себя специалиста и не подсовывать вместо серьезной работы элементарную халтуру.

Во введении г-жа Гудкова кокетливо сообщает, что ее текст страдает «некоторой пунктирностью повествования» — она, видите ли, не рассмотрела подробно все, что написано о Булгакове: «крупный план всего заслуживающего внимания материала попросту невозможен» (с. 8). Но это, что называется, фигура речи. А если говорить прямо, булгаковедческая «эрудиция» г-жи Гудковой — десятка три книг и сколько-то статей. Про них она и пишет, а весь остальной «материал» (полтысячи книг и диссертаций) как-то не заметила. Так что репрезентативность ее «обзора» близка к нулю. Не говоря уж об объективности (об этом ниже).

Для заявленной темы г-же Гудковой не хватает ни знаний, ни аналитических способностей, ни таланта. Ей бы переиздать в расширенном виде свою книжечку по кандидатской диссертации *Время и театр Михаила Булгакова* (1988) — мог выйти бесполезный обзор постановок и непостановок пьес писателя. Но, замахнувшись на «историю рецепции булгаковских

² Не считая бывших республик СССР, а также других зарубежных стран, где о Булгакове писали и пишут немало.

текстов» (с. 4), авторесса поставила себе задачу совершенно непосильную.

Зададим простой вопрос: что такое эта самая «рецепция»? В каких формах она реализуется? То, что о Булгакове сочиняют книги и статьи, — это г-жа Гудкова понимает. Но ведь книги только внешне похожи друг на друга, а по содержанию они весьма разные. Вот, например, несколько разнородных заглавий (специально без авторов), которые говорят сами за себя: *Родословия Михаила Булгакова*; *Булгаков и дьявол*; *Художественный мир Михаила Булгакова*; *Михаил Булгаков. Морфий. Женщины. Любовь*; *Окультный Булгаков*; *Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова*; *Как отравили Булгакова*; *Булгаков-либреттист*; *Булгаков. Пикантные подробности*; *Михаил Булгаков и Крым*. У г-жи Гудковой ни одна из них (как и множество других) не упоминается — называю, чтобы подчеркнуть: ей и в голову не пришло в своем «обзоре» хоть как-то систематизировать публикации о Булгакове, выделить основные аспекты, направления, методы, подходы. Ибо для этого нужно знать материал и уметь его анализировать. К тому же о Булгакове пишут в основном литературоведы (что неудивительно), а г-жа Гудкова, не будучи филологом, многих работ просто не понимает, не может оценить научный уровень, выделить плохое от хорошего. Впрочем, она никогда не сомневается в своих интеллектуальных способностях. И поступает очень просто: когда чего-то не постигает — объявляет непонятое бессмыслицей.

Но бог с ними, с книгами и диссертациями. А книжная графика, иллюстрации к булгаковским произведениям — это не рецепция? Вроде бы да; однако о них г-жа Гудкова даже не заикается. А музыкальные жанры — например, оперы и балеты на булгаковские сюжеты? То же самое. А кино? Рискну утверждать, что это просто-таки главный вид рецепции — если судить по широте распространения. Ничего удивительного в том, что народ знает Булгакова скорее по фильмам, нежели по книгам, — по крайней мере, для комедии *Иван Васильевич* и повести *Собачье сердце* это утверждение верно на сто процентов. Но про экранизации этих произведений у г-жи Гудковой ни слова. На самую последнюю страницу своего труда она (видимо, в последний момент) воткнула пару абзацев о фильме 2024 г. *Мастер и Маргарита*. Ну а где две одноименные картины 1994 и 2005 гг.? Ни

звуча. В середине книги мелькают 10 строчек про фильм *Бег* (с. 384). А где фильмы *Дни Турбиных*, *Роковые яйца*, *Морфий*? И это только российские экранизации Булгакова. Каковы бы они ни были в смысле художественных достоинств и адекватности оригиналам, все же кино влияет на «массовый» образ писателя куда сильнее, чем любые монографии. Но специалистка по части «рецепции» — и вроде бы искусствовед — этого, видимо, не осознаёт.

Первая половина ее книги посвящена взаимоотношениям Булгакова с театрами, истории постановок его пьес, партийно-цензурных запрещений-разрешений, нападкам критиков и т.п. В основном это компендиум цитат из разнообразных текстов 1920–1930-х гг., почерпнутых в энциклопедических изданиях, комментариях к собраниям сочинений писателя, биографических и иных книгах и статьях. Для интересующихся Булгаковым «фактура» небесполезная. Однако в «театральных» главах практически не говорится о его пьесах как литературных произведениях, нет системного взгляда на них, нет доказательного анализа. Причина все та же: анализировать г-жа Гудкова не умеет, специфики литературного произведения как художественного целого не понимает — способна разве что на комментированный пересказ. Потому излагает в стиле журнальной рецензии, ее текст изобилует общими местами. «Пьеса написана с какой-то задорной, задиристой интонацией» (с. 129) — это о *Багровом острове*. Про *Блаженство*: «То, что актерам не понравились сцены в будущем, неудивительно. Наверное, ждали сияющих радостей, воплощения райской жизни на земле, а картина оказалась совсем не смешной и разочаровывающе тусклой» (с. 235). А вот про *Батум*: «Речевой материал в “Батуме” вторичен, лишен энергии, формален» (с. 297). Доктору наук даже в голову не приходит, что, занявшись «рецепцией» и оценивая чужие мнения о Булгакове по критерию адекватности, нужно уметь интеллектуально обосновывать свою позицию, а не ограничиваться чванливыми фразами.

Сказанное в полной мере относится и ко второй половине книги, где г-жа Гудкова переходит к 1960-м гг., периоду «возвращения» Булгакова и начала «большого» булгаковедения. Здесь тоже идут в основном описания театральных постановок (вытащены давние рецензии), но всплывают и пассажи об отдельных книгах. В целом схема простая: г-жа Гудкова с энтузиазмом вспоминает времена своего расцвета (1980-е — начало

1990-х), а дальнейший период в булгаковедении объявляет эпохой деградации. «Как хорошо видно сегодня, последние десятилетия ушли на бесконечное повторение пройденного, переодевание в новые, модные словесные одежды хорошо известных идей» (с. 484). Психологическая основа этого брюзжания вполне традиционна: прокисшая память о давних временах, когда человек был «в теме», затем занялся другими делами, отстал, но по-прежнему мнит себя корифеем, огульно раздавая оценки, которые местами звучат просто смешотворно: «[...] выяснилось, что часть литературоведов отвыкла от самостоятельного размышления» (с. 496).

Как уже сказано, за бортом «рецепции» булгаковского творчества у г-жи Гудковой остались сотни исследований — монографий, сборников, диссертаций и пр. Зато она объявляет «рецепцией» то, что не имеет к ней отношения. Например, публикации дневников Булгакова, издание черновиков романа *Мастер и Маргарита* или библиографический указатель текстов Булгакова и работ о нем. Слов нет, книги полезные; но как в публикациях булгаковских текстов или в библиографии выражается «рецепция» творчества писателя — одной г-же Гудковой известно. Впрочем, на самом деле все очень просто: как гласит пословица — не по хорошу мил, а по милу хорош. Если нравятся ей чисто по-человечески те или иные авторы — она хвалит их за все, что бы те ни написали. Не нравятся — изыскивает любой повод, чтобы подленько обругать «с ученым видом знатока»³.

Из произведений Булгакова г-жу Гудкову волнует в основном *Мастер и Маргарита*. Правда, она почему-то считает, что роман вышел в 1975 г., да еще сообщает, что первая, журнальная, его публикация была «доступна сравнительно немногим» (с. 403). Ошибки вполне в гудковском духе — на самом деле том с тремя булгаковскими романами был издан в 1973 г., а тираж журнала «Москва», где в 1966–1967 гг. впервые напечатали *Мастера и Маргариту*, составлял 160 000 экземпляров, так что к концу 1960-х гг. роман этот прочитали, пожалуй, не меньше миллиона человек; много это или мало — не знаю.

Что касается понимания булгаковского романа — г-жа Гудкова очень любит, когда кто-нибудь ругает Воланда, называя его злым и нехорошим и отождествляя со Сталиным (распро-

³ А. Пушкин. *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Воскресенье, Москва 1995, т. 6, с. 7.

странившаяся в последнее время мода). И возносит на вершину булгаковедения сочинение Ольги Поволоцкой *Щит Персея*. Его г-жа Гудкова объявила «прорывным исследованием» (с. 542) — это дает яркое представление о ее вкусе и аналитических способностях. Мне уже приходилось упоминать про книгу Поволоцкой, которая является в своем роде классическим образцом филологической беспомощности и косноязычия⁴. Она открывается заявлением: «У каждого читателя романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” возникает иллюзия личного знакомства с сатаной»⁵. Приведу несколько образцов стиля: «От мастера осталась на земле в качестве следа прореха в ткани жизни, это зияние, похожее на след от предмета, провалившегося в болото, без романа Булгакова мгновенно затянулось бы ряской забвения»⁶; «Воланд лично инициирует спецоперацию по отысканию рукописи и по идентификации автора текста о Понтии Пилате, а также меняет руководство писательской организацией»⁷; «Роман Булгакова “Мастер и Маргарита” весь посвящен этой загадке — природе всеобъемлющей единоличной власти генсека Сталина»⁸; «посещение Воландом Москвы прямо решило некоторые задачи, которые стояли перед генсеком Сталиным в сфере окончательного преобразования литературы и театра в инструмент фальсификации истории»⁹. Такой бездоказательной конспирологией заполнено 300 страниц.

Для г-жи Гудковой это передовой край булгаковедения. И сама она провозглашает:

Что предложил и что осуществил Воланд с жизнью и судьбой Мастера? Изъял из обращения. К тому же, кажется, вместе с рукописью — которую Воланд не собирался же впустить в мир людей? И с Маргаритой, которая могла, оставшись в живых, рассказать об исчезнувшем писателе. И если соединить все формулы в единый сюжет, он окажется совсем не тем, к которому привыкли: рукописи не горят, но их авторы смертны (с. 405–406).

⁴ Е. Яблоков, *Постправду говорить легко и приятно?* «Przegląd Rusycystyczny» 2024. № 3, с. 130–131.

⁵ О. Поволоцкая, «*Щит Персея*» (О романе М. Булгакова «*Мастер и Маргарита*»). Личная тайна как предмет литературы (На основе анализа текстов А. Пушкина и М. Лермонтова), Алетейя, Санкт-Петербург 2015, с. 11.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Там же, с. 144.

⁸ Там же, с. 211.

⁹ Там же, с. 260.

За пределами этой «концепции» остается множество вопросов: почему злонамеренный Воланд не «впустил в мир» роман мастера, который радикально противоречит логике евангельского текста, т.е. вроде бы является вполне сатанинским? почему такой роман не приняли советские критики? почему Воланд не доверил критикам (вместе с НКВД) окончательно добить мастера и «эвакуировал» его? почему рукопись мастера, вопреки афоризму, сгорает даже дважды? почему мастер с Маргаритой, будучи вроде бы убиты, продолжают вести себя как живые? Подобные (и еще многие) вопросы авторессе в голову не приходят, ибо, как уже говорилось, привычки целостного восприятия произведения у нее нет, а навыка филологического анализа — тем более.

В предисловии г-жа Гудкова с театральной скорбью пишет, что ей тяжело критиковать авторов, которых уже нет в живых. Но истина, мол, дороже — «необходимо сказать о значимых книгах и статьях, даже и в тех нередких случаях, когда ты с ними не согласен» (с. 13). «Нередких» случаев оказывается два. Г-жа Гудкова набралась духу высказаться про появившееся в 1987 г. (в книге ошибочно 1988 — с. 439) *Жизнеописание Михаила Булгакова* Мариэтты Чудаковой. Свое долгое молчание по этому поводу г-жа Гудкова объясняет так:

Ко времени выхода в свет книги о Булгакове авторитет Чудаковой [...] был (и остается сегодня) настолько высок, что критические реплики в связи с книгой были невозможны. Ее роль как безусловного лидера, первооткрывателя будто лишил¹⁰ права голоса невосторженного читателя (с. 441).

Короче, г-жа Гудкова побаивалась «свое суждение иметь»¹¹. И лишь через несколько лет после смерти Чудаковой преодолела немоту, осмелившись проявить «невосторженность».

¹⁰ Так в тексте. Речевые ошибки в книге — отдельная тема. Например, как гласит аннотация, здесь «реконструируется [...] существенные трансформации его (булгаковского — Е. Я.) образа [...] и ряд размышлений о поэтике Булгакова» (с. 4). Забавных речений немало: «[...] статья [...] встретила неготовность тогдашнего интеллигента к восприятию ключевой мысли работы» (с. 406); «два русла продолжают протекать параллельно» (с. 421); «помимовольно сказало состояние современного интеллигента» (с. 428) и т.п. Или, например, г-жа Гудкова авторитетно пишет, как персонаж *Белой гвардии* всыпал «сахар в жиклеры белых броневиков» (с. 567), явно не имея представления о жиклере. Впрочем, все это не только ее заслуги — поучаствовала и редактор издательства «НЛО» М. Львова.

¹¹ А. Грибоедов. *Полное собрание сочинений в 3 томах*. Нотабене, Санкт-Петербург 1995, т. 1, с. 71.

Другой (еще менее симпатичный) пример запоздалой храбрости — разбор вышедшей в 1983 г.¹² книги Лидии Яновской *Творческий путь Михаила Булгакова*, первой биографии писателя. Градус «невосторженности» здесь куда выше. Книга Яновской рассматривается в предпоследней главе, отдельно — вне контекста советской эпохи, будто вышла совсем недавно. И, словно не понимая, чего стоило автору выпустить эту книгу в советских условиях, г-жа Гудкова упрекает Яновскую в конформизме. «Работа [...] представила яркий образец “подтягивания” личности Булгакова к правильному образу советского писателя» (с. 614), — негодует авторесса, сама буквально в те же годы послушно писавшая про пьесы Булгакова на «советской сцене». И накручивает претензии: «несообразности в способе исследования» (с. 614), «неаргументированные утверждения» (с. 615), «упрощение сложности, объемности позиции художника» (с. 618); а биографическим каноном для Яновской, по словам г-жи Гудковой, послужили «жития святых» (с. 619).

Не стану опровергать мстительные выпады против давно умершего человека. Напомню лишь одну цитату. В свое время Лидия Яновская назвала г-жу Гудкову «маленькой и тоскливой бездарностью»¹³.

В целом книжка оставляет грустное впечатление. Специалистка по «рецепции», навешивающая ярлыки, больше напоминает гостиничную даму на ресепшне, которая выдает и принимает ключи от номеров. Со стороны кажется, что хозяйка, а на самом деле прислуга.

* * *

И — вопрос в виде постскриптума. На авантитуле книги стоит гриф Государственного института искусствознания. Отсюда следует, что рукопись была утверждена к изданию ученым советом этого учреждения, а значит, проходила рецензирование. Однако, странным образом, фамилии и ученые степени рецензентов не указаны. Почему бы это? Они постеснялись назваться? Или, может, рецензентов на самом деле не было и на

¹² Первая редакция рукописи возникла еще в 1960-х (см.: Л. Яновская. *Записки о Михаиле Булгакове*. Текст, Москва 2007, с. 382).

¹³ Там же, с. 383.

ученом совете рукопись не обсуждалась? А как тогда появился гриф института?

REFERENCES

- Грибоедов, Александр. *Полное собрание сочинений в 3 томах*. Нотабене, Санкт-Петербург 1995. Том 1.
- Michail Bułhakow, jego czasy i my*. Przebinda, Grzegorz, Świeży, Janusz (eds.) Współpraca Kliabanau, Dzmitry. Kraków: Scriptum, 2012
- Поволоцкая, Ольга. “Щит Персея” (О романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”). *Личная тайна как предмет литературы (На основе анализа текстов А. Пушкина и М. Лермонтова)*. Санкт-Петербург: Алетейя 2015.
- Пушкин, Александр. *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Москва: Воскресенье, 1995. Том 6.
- Яблоков, Евгений. “Постправду говорить легко и приятно?” *Przegląd Rusycystyczny*, 2024, no. 3: 121–135.
- Яновская, Лидия. *Записки о Михаиле Булгакове*. Москва: Текст, 2007.